

Но из *свойств* вещей составлены сами *вещи*, из признаков тел — сами тела. Александрийцы убеждены, что *все составлено «из серной и ртутной материи»*. *Свойства* уже называются *материями*, и наоборот. Но здесь же *свойство* как нематериальная духовность бежит из своего телесного обиталища, прихватывая заодно и *жизнь вещи*. Ртуть опять-таки спиритуалистична, но действие ее очевидно. Оно воспринимается не оком, но глазом практического алхимика. Синезий (IV—V в.) говорит: *ртуть принимает все формы, как воск все цвета: ртуть все белит, притягивает душу всех вещей, сама же сохраняется, пребывая внутри тел*. Он же сообщает, что *тела состоят из четырех элементов так же, как элементы привязаны к телам*. Но что это за элементы? *Их первые материи есть их души*. Подобно тому как ремесленник, обрабатывая дерево, чтобы сделать кресло или колесницу, или другую вещь, только изменяет материю, давая ей форму; подобно тому, как бронза формируется в статую или круглую вазу, точно так же оперирует алхимик. Ртуть, обрабатываемая алхимиком, принимает всякого рода формы. Фиксированная на теле, образованном из четырех элементов, она крепко к нему пристает (Berthelot, 1893b, 119, 315). Отдано Аристотелю аристотелево — его учение о четырех элементах, у Синезия не работающее, а лишь провозглашенное. Игра только с обрабатываемой ртутью. Речь идет об амальгамировании ртутью, сопровождаемом «тинкториальными» превращениями (белением). Но ртуть и здесь спиритуалистична: она вечно «пребывает внутри тел» в качестве метафизического принципа, хотя в обработке формы ее изменчивы. Принцип-начало кричит о двойственной своей природе: дух — тело. И все-таки вот оно — физическое тело, рабочее вещество. Рекомендуют взять ртуть, сделать ее густой и положить на медь. Медь при этом должна побелеть. Однако контекст свидетельствует не только о побелении меди. Он свидетельствует и о рождении нового, белого, металла, о трансмутации красной меди в белый — иной — металл. Может быть, даже в серебро. Ртуть здесь и краска, и порождающий принцип. Двойственность, но с акцентом на руками прощупываемое вещество. Духовный полюс загнан в безмолвие, но оттого не перестал быть.

Партингтон только наполовину прав, когда говорит, что *ртуть-принцип* — не та, совсем даже не та «ртуть, которую находят в Богемии; ядовитая и вызывающая паралич ртуть» (Partington, 2, 1961, с. 13). В некотором смысле и та ртуть. В этой вещно-словесной чехарде — все дело. Хофер тоже растерян, когда объявляет Аристотеля «логическим отцом алхимиков», но говорит, что «количественные» измерения *свойств аристотелевских стихий* (по два свойства на каждую стихию) осуществляют переход одной стихии в другую (Hoefeg, 2, 1869, с. 18). Что значит «количественные», если *стихия — только стихия* и ни в коем случае не *вещь*?

Верно, что алхимические начала не вполне тождественны веществам и что они — качества вещей. Но они также и тождественны веществам. «Сера» — это и *цвет*, и *горючесть*, и *твердость*, и потенциальная способность соединяться с металлами. «Меркурий» — это и *блеск*, и *летучесть*, и *плавкость*, и *ковкость*.